

№461 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Без сигары в афедроне!

В нынешнем уставном евангельском чтении упоминается укоризна Иисусу от фарисеев за дурную компанию, Его окружавшую. Благочестивцев раздражало возмущение, и они высказывали Христовым ученикам: «для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?» Иисус же, оправдывая Своё поведение, говорил, мол, «не здоровые имеют нужду во враче, но больные... пришел Я призвать не праведников, а грешников к покаянию» (Мф.9,11-13).

Эта Евангельская сцена всегда по праву использовалась для уличения ханжей, нарочито исполнявших до последней мелочи внешние предписания норм благочестия, таких вот чистоплюев, которые не то, что сами пост нарушат, они свою родную мать не поздравят с Днём Рождения только потому, что там на столах скоромное. Такие люди боязно относятся к знакомствам – как бы не столкнуться с «нехорошим» человеком, сами предельно ограничивают круг общения, ну и своим детям приказывают: не играй с соседским «Васей» – он плохой.

Христос призывает нас не по кельям разбредиться, а, наоборот, идти в мир – грязный, лживый, порочный - и проповедовать грешникам Евангелие. «Вы свет миру» (Мф.5,14), «вы соль земли» (Мф.5,13), - говорил Христос. Наша задача очищать этот мир, исправлять, преображать. Нечестивцев побуждать к покаянию, стараться исправлять их общением с ними, добрым примером вдохновлять их к наилучшему.

И, разумеется, для этого приходится сокращать дистанцию, становиться ближе к такому, идти на какие-то уступки – участвовать в их досуге, играх, говорить, например, о футболе, который Вас, возможно, не интересует вовсе, слушать музыку - не ту, которая Вам нравится, а хиты не вашего вкуса.

Однако, не забывать весьма пошлый анекдот про двух кумов – не разлей вода, один из которых во множестве курил сигары, а второй хотел его от этого отучить. Пересказывать в подробностях его не прилично. Собственно, поучителен результат. Курец, как был курия-

щим, таковым и остался, а доброхот без сигар уже обходиться не мог.

Эта проблема гораздо серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Человек – существо социальное. Влияем друг на друга мы непрестанно. Вопрос – кто в большей степени, а кто в меньшей, и в какую сторону. Множество печальных примеров, когда вполне благочестивые добропорядочные христиане в попытках «подтянуть» проблемных своих ближних, не только не достигали поставленной цели, но и сами морально опускались. Об этом ведь тоже предостерегает нас слово Божие устами апостола Павла: «худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор 15:33).

Как детей наказывать?

Очередная родительская проблема: как соблюсти равновесие между любовью к детям и строгостью. Очень многим родителям это не удается. Они становятся или слишком строгими, или наоборот, слишком мягкими и податливыми.

Этой теме посвящены несколько лекций американского профессора медицинской школы при университете Южной Калифорнии Джеймса Добсона. Может, у кого-то из вас есть даже записи его лекций под общим названием «В фокусе семья». Эти лекции стоят того, чтобы их послушать. Основные его мысли мы здесь вкратце изложим.

В самом начале своих выступлений Добсон указывает на самую распространённую ошибку, которую обычно делают родители и учителя, воспитывая детей с сильной волей, или, как мы называем их, трудных детей. Эта ошибка состоит в том, что слишком часто вместо действенный и поступков орудием воспитания является гнев, и в конечном итоге это не приносит никому успеха.

В связи с этим Добсон приводит примеры из американской жизни. В общем, все примеры нам, украинцам, понятны, хотя у нас немножко по-другому, и тем не менее. Так вот, типичная картина из американской жизни - вы возвращаетесь домой на своей машине. Конечно, многие из нас на это делают на маршрутке или троллейбусе, но Добсон - американец, а у американцев троллейбус - это ископаемое, редкость. Общественного транспорта в Америке почти нет, а в каждой семье минимум одна машина, там без автомобиля просто невозможно. Ну, это ладно, представим себя американцами. Так вот, мы едем по какой-то «стрит», и выжимаем скорость вместо положенных 50-ти 100 миль в час. А на углу стоит полицейский. Он не вооружён, у него нет значка, нет квитанции, он не может выписать вам штраф, у него нет машины, чтобы догнать вас, он может просто стоять и кричать на вас, в то время как вы проносите мимо. Сбавите ли вы скорость? Нет, вы просто помашете ему ручкой. Его гнев вовсе не влияет на характер вашей езды. Он готов лопнуть от злости, но это ничего не изменит. А что изменит? Вот, к примеру, вместо положенных 60-ти километров в час вы едете 90, и вдруг вы заметили патрульную машину, которая нагоняет вас и прижимает к обочине. Из неё выходит сурового вида полицейский ростом метр девя-

носто с поплёскивающим на боку пистолетом. Он подходит к вашему окну и говорит: «Сэр, наш радар зафиксировал превышение скорости, я хотел бы взглянуть на ваши права». Он совершенно невозмутим, спокоен и даже не собирается стучать кулаком по капоту вашей машины. Ну, а вы? Ваши руки начинают противно дрожать, и вы никак не можете достать свои измятые права, вы взмокли, и в коленках нарастает неприятная дрожь. Но почему? Ведь он не угрожал вам! Он предупредительно-вежлив и полон достоинства, он только попросил ваши права. Вы догадываетесь, что он с этой книжицей будет делать, и это вам очень неприятно. Его **действия** (а не гнев) – вот что влияет на вас. Он разговаривает с вами вполне спокойно, и именно это на вас производит такое сильное впечатление. Он уронил бы свой авторитет, если бы начал кричать на вас. С этой целью его учили сдержанности и тому, как достойно вести себя. Возможно, учили очень долго. В тот момент, когда он забудет эти уроки и начнёт вести себя эмоционально, его авторитет немедленно упадет.

Или судья. Почему все встают, когда он входит в зал? Почему он кажется таким беспристрастным? Почему никто не видит его эмоций? Потому что этого требует его положение.

Гнев, как считает Добсон, наихудшее средство из всех. Он не приносит успеха в воспитании детей, напротив, он разрушает ваш авторитет и руководящую роль в семье. Учителя также часто совершают эту ошибку.

Гнев ничего не доказывает. Сколько раз вы говорили своему ребёнку: «Последний раз тебе говорю»? Вы постоянно ему твердите: «Ну почему ты непослушен? Сколько раз я тебе уже говорил! Почему ты делаешь всё наоборот?». Вы говорите ему это так часто, что он уже перестаёт вас слышать. Это, как если бы кто-то жил в десяти метрах от железной дороги и не слышал проходящего поезда. Дом сотрясается до основания, а он так привык, что ничего не слышит. Криком ничего не добьёшься. Детям всё равно, рассержен ты или нет. Вернее, им это даже нравится. Видеть взрослого человека в слезах, выведенного из себя, означает победу для ребенка. Это настоящая борьба.

Развивая свою тему, Добсон иллюстрирует, как обыкновенно проходит вечер в какой-нибудь средней американской семье. Вообще-то здесь разницы с украинскими семьями мало.

Итак, вторая половина дня. Ребёнок приходит из школы. Допустим, что мы спокойны. В эмоциональном плане мы на нулевой отметке. Дитё приходит из школы, вы целуете его, ведёте на кухню, наливаете ему молока, суёте что-то сладенькое. Но вечер только начинается. Ведь вы находитесь в неравном положении. Ваше чадо встал в семь часов утра, он бегал, прыгал, скакал, бежал к автобусной остановке, мчался к школе, и так до самого звонка. Затем в школе активно участвовал во всех мероприятиях, баловался на переменах, играл, потом бегом примчался домой, всё ещё полный энергии и неистраченных сил. Таковы дети.

А как мать? Она совершенно в другом положении. В это утро она встала в шесть, приготовила всем завтрак и успела сделать массу других дел. Отправила детей в школу, навела порядок в доме, и, возможно, ещё двое совсем крохотных малышей цеплялись за её подол. И вот, наконец, к трём часам дня дети начинают

возвращаться домой из школы. Но к этому времени она уже порядком устала. А ей ещё нужно пойти в магазин, купить продукты, приготовить еду, помыть посуду, постирать, перепеленать малыша, раз восемь принести малышу попить, помолиться с ними вечером.

Нервы женщины напряжены, и тут она встречает сына из школы. И достаточно будет чего-то совершенно малого, чтобы её расстроить, ибо она действительно переутомлена. И ребёнок начинает понемногу её раздражать, потому что он не знает, чем ему заняться. Знакомо? Он полон неистраченной энергии, и потому не находит ничего другого, как только расстраивать других. Он обижает меньшого братишку, дёргает собаку за хвост, проливает воду на пол и носится по всему дому. Наконец, он открывает шкаф с игрушками и рассыпает их по всей комнате. Всё раскидано по углам, и мать прекрасно знает, **кому** придется наводить здесь порядок. Она начинает поругивать его, затем посылает в ванную помыть руки, потому что ужин уже на столе. Когда же он выскакивает из ванны, руки у него по-прежнему грязные. Мать всё более и более раздражается, напряжение растёт. Наконец ребёнку время ложиться спать. Перегруженная эмоциями, взвинченная и усталая, мать посылает ребёнка в ванную помыться. Но тот вовсе не привык делать то, что ему говорят, и не хочет этого делать. Он продолжает спокойно сидеть на полу. «Послушай-ка, молодой человек, тебе завтра утром в школу! Наведи порядок, и пошёл в ванную! Я неясно сказала?» Но истинный смысл её сказанного другого: «начни думать - наводить порядок или нет?». Ведь и в самом деле, мама была бы просто поражена, если бы мальчик сразу так и сделал. Но он ничего и не думает делать, когда она так говорит. Да и не должен, этого от него и не ждали, никто и не рассчитывал, что он сразу же возьмётся за дело. Это просто своего рода система предупреждения. Она ждёт ещё примерно десять минут и с нарастающей угрозой в голосе говорит: «Десять минут назад я говорила тебе!..». Это уже сигнал, что дело принимает серьёзный оборот, и ребёнок это прекрасно понимает. Но каждый играет свою роль, тут всё рассчитано. Такое повторяется по несколько раз в день, когда его что-то заставляют делать. Сейчас её голос станет строгим, еще через десять минут она скажет: «Ну всё, хватит!», и, наконец – бац! – совершилось: она кричит. Кричит: «Ну, знаешь, я **что** тебе говорила, сейчас я тебе покажу!». Она совершенно выходит из себя. Само выражение лица и интонация голоса говорит о том, что теперь она готова что-то предпринять. Её гнев показывает, что она теперь действительно готова перейти к самым решительным действиям. Дети очень тонко чувствуют, когда наступает действительно опасный момент, за которым последует расплата.

Только готовность принять меры может подвинуть ребёнка к послушанию. Никакие уговоры не дадут абсолютно никаких результатов. Это как читать мораль коту, который со стола утанул кусок мяса и уминает его. Другое дело - **что** подразумевать под наказанием? Бить ребенка? Необязательно. В следующий раз, если даст Бог, мы ещё размыслим над этим.

*Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным*